

«МЫ ВСЕ НА ОДНОЙ УЛИЦЕ»

Рез. клуб - 2004 - 1 место - с. 5

Говорят: репертуарному театру приходит конец. Оглушительный успех недавних гастролей питерского МДТ доказывает обратное: зрители явно устали от спектаклей, в которых едва знающие друг друга по именам артисты собираются на один вечер. Публика изголодалась по театру-семье, по возможности смотреть спектакль за спектаклем, наблюдая, как меняется почерк режиссера и артистов.

Актера МДТ Сергея Курышева невозможно было не запомнить после роли Платонова в чеховской «Пьесе без названия» — по сцене метался молодой человек огромного роста, но как будто с перебитым хребтом. Его чуть заикающийся голос и такие же странные движения выдавали внутренний слом. Сразу было ясно: этот обаятельный великан слишком чувствителен и нежен, чтобы жить. Потом был безвольный Тригорин

в «Чайке» и терпящий крах фантазер Фрэнк из спектакля «Молли Суини». А минувшей весной Курышев получил «Золотую маску» за роль Ивана Войничко в «Дяде Ване». С Курышевым мы встретились во время московских гастролей МДТ. Спектакли игрались на «Таганке». Надо было видеть, как, стесняясь своего роста, почтительно согнувшись вдвое, Курышев раскланивается с Юрием Петровичем Любимовым...

Сергей Курышев:

«Тридцать репетиций — это очень быстро»

— Как вам игралось на «Таганке»?

— Очень хорошо. Какой-то особый дух в этом театре. Я гримировался за столиком Золотухина, за спиной висел его костюм из «Живого», и я думал о том, как много общего у наших театров. Додин, как и Любимов, ставил прозу Федора Абрамова и Юрия Трифонова. Наши «Братья и сестры» рифмуются с таганским «Живым» и «Деревянными конями».

— Что вы почувствовали, получив «Золотую маску»?

— В день вручения «Маски» я летел в Рим, Петру Семаку кто-то кинул смс-сообщение, что, мол, я выиграл. Я не очень в это поверил — меня ведь и раньше выдвигали на «Маску», но награды я не получал. Когда мы долетели до Рима, сообщение подтвердилось, но началась репетиция — осмысливать и праздновать не было времени.

— На «Маску» номинировали и Петра Семака за роль Астрова в «Дяде Ване». Как вам удается сохранять дружеские отношения?

— Нас постоянно выдвигают на одни и те же премии, а однажды мы вместе получили «Золотой софит», правда, за разные спектакли. В ходе работы мы иногда меняемся ролями — в том же «Дяде Ване» Петя начинал репетировать Ваню, а я — Астрова. Но никаких спортивно-конкурентных проблем у нас нет. Мы партнеры во многих спектаклях и должны относиться друг к другу внимательно и с нежностью — иначе не сможем играть. «Дядя Ваня» ведь не просто спектакль, а спектакль НАШЕГО театра — театра, созданного режиссером-личностью. Додину удалось создать театр-семью. У нас, как в свое время у Любимова, театр единомышленников, учеников одного мастера.

— Как вы пришли к Додину?

— Я учился на факультете журналистики ЛГУ, у нас был свой театральный кружок «МХЭТ» — малохудожественный эстрадный театр. Потом занимался в музыкальной студии, руководителем которой посвечивал мне идти в ЛГИТ-МИК, сказав, что курс набирает Лев Додин. Помню, как на прослушивании Лев Абрамович спросил

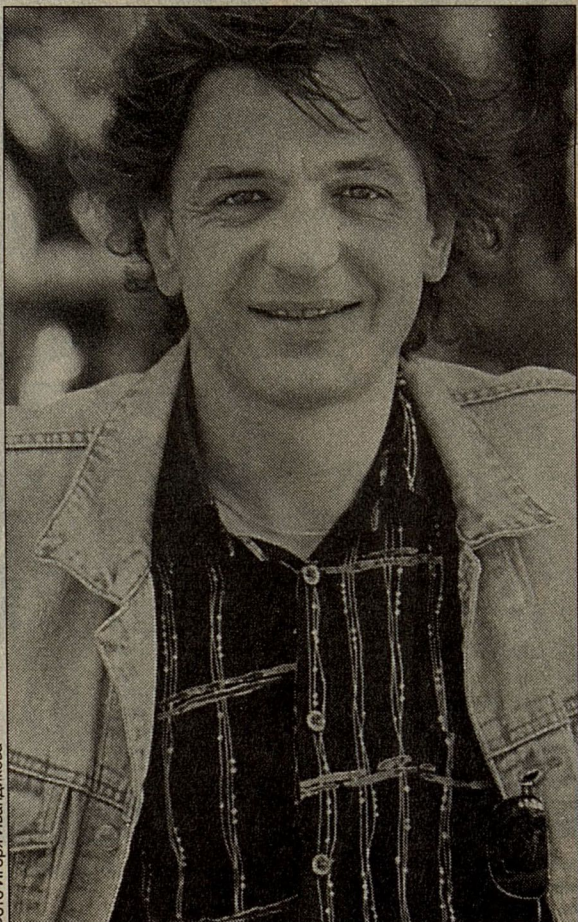

Фото Игоря Иванюкова

меня: «Молодой человек, почему же вы не пришли поступать сразу после школы?» — «Я думал» — «Вы слишком долго думаете!» Забавно: Додину тогда было ровно столько лет, сколько мне сейчас. Моя первая роль — старик в спектакле по роману Юрия Трифонова.

— Когда я смотрела «Дядю Ваню», мне показалось, что стиль вашего театра сейчас немного меняется: от бурного общественного темперамента, сочной театральности и изощренного оформления — в сторону тонкого психологизма и скупых выразительных средств.

— Изнутри это незаметно. Мы работаем в одной школе, в одном направлении, а форма спектаклей — разная. Конечно, «Дядю Ваню» нельзя сравнивать, скажем, с «Клаустрофобией» — это совершенно разные спектакли. Чехов, как ни крути, глубже, чем современные авторы. В «Клаустрофобии» мы многое направляем непосредственно к зрителю (что очень интересно делать на «Таганке», которая всегда этим славилась), а в «Дяде Ване» идет внутренний процесс, где-то очень далеко существует четвертая стена. Но это вовсе не значит, что психологическое проникновение в образ в этих спектаклях разное.

— Дядю Ваню обычно играют неврастеником, почти помешанным. В вашем спектакле он абсолютно нормальный — тонкий, умный, деликатный человек, что и называется чеховским интеллигентом. Я первый раз это увидела.

— Изначально представлять помешанного для актера неинтересно. В наших спектаклях вообще нет деления героев на, скажем, добрых и злых, мягких и жестких. Даже Петр Верховенский из «Бесов» у нас в каких-то сценах обаятелен.

— Говорят, репетиции в МДТ длятся годами...

— Да, долго, но бывают исключения. «Дядю Ваню» выпустили очень быстро — было около тридцати репетиций. На моей памяти такое впервые.

— В вашем театре есть застольный период?

— Я бы назвал его «застольным» — мы собираемся в полукруг. Сначала читает Лев Абрамович, потом мы, меняясь ролями. Потом ходим с текстом. Иногда это длится долго. Бывает, что мужчины репетируют за женщинами. Недавно заболели Ира Тычина и Ксения Рапопорт, а

Лев Абрамович хотел проверить какой-то свой замысел — мы ведь начали репетировать «Короля Лира». И тогда Володя Захарьев и Олег Дмитриев вызвались репетировать за Регану и Гонерилью. На раннем этапе это нормально.

— А вы за кого репетируете?

— И за Лира, и за Эдгара, и за Эдмунда. А кого буду играть — не знаю. Для меня Шекспир — еще неизведанное пространство, не считая некоторых монологов из «Гамлета», которые я готовил в институте вместе с Валерием Михайловичем Галендевым. Галендеев — не просто педагог по речи, это один из главных соратников Додина. Я у него читал и за Гамлета, и за Тень отца.

— Вам бы хотелось сыграть Гамлета?

— Если артист не кокетничает (Курышев застенчиво улыбается. — А.Ш.), он не скажет, что не хочет сыграть Гамлета. Другое дело возраст, репертуар театра... Впрочем, знаете, я его в какой-то степени сыграл. Миша Платонов в «Пьесе без названия» — такой русский чеховский Гамлет. Там много параллелей с Шекспиром.

— Часто говорят о противостоянии Москвы и Питера. В чем оно?

— Я с университетских времен слышу фразу «московская и питерская школа» — это относится не только к театру, но ко всем областям. Я родился в Самаркандской области, в детстве пять лет прожил в Москве, в деревянном доме напротив Елоховского собора. Здесь меня впервые привели в театр, здесь я пошел в школу. И вот уже четверть века я живу в Питере. Для меня этого противостояния нет. Хороший спектакль всегда выходит за рамки московской или питерской школы. Миропонимание Додина, его способ выражения своих мыслей не изменился бы, если бы его театр находился на московской улице, а не на улице Рубинштейна в Питере. Любимов, Додин, а когда-то — Товстоногов, Эфрос — живут НАСТОЯЩЕЙ жизнью. И у них, безусловно, есть точки соприкосновения — ведь живем мы все на одной улице.

Встречалась Алла ШЕНДЕРОВА